

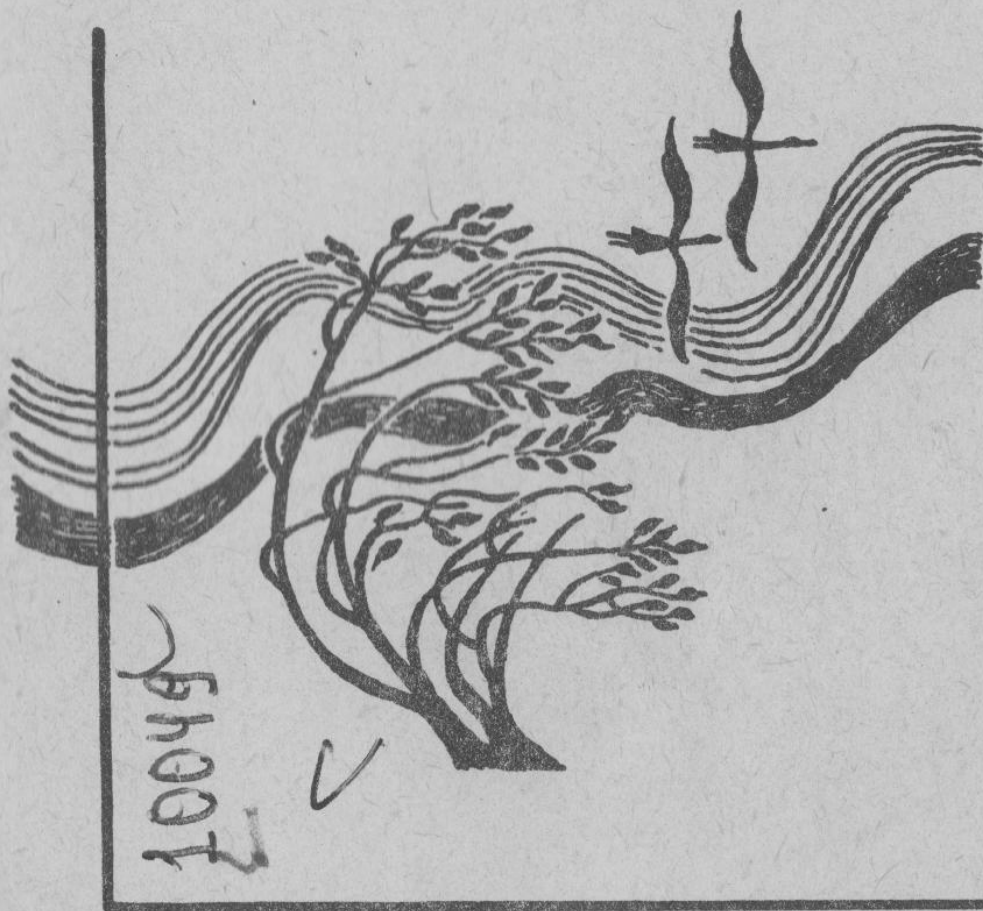

ИВАН АЛЕКСАНДРОВ
ЖУРАВИНКА

P₂ - 1

АЧ6 ИВАН АЛЕКСАНДРОВ

ЖУРАВИНКА

СТИХИ
Мценская ЦБС
им. М. С. Тургенева
Орловской обл.

Тула
Приокское книжное издательство
1981

1 | Мценская
ЦБС

Р 2

А 46

Художник Н. В. АКИНШИН

Рецензенты: В. П. ДРОННИКОВ, член СП СССР;
А. С. ШИЛЯЕВ, член СП СССР.

Александров И. В.

**А 46 Журавинка: стихи.—Тула, Приок. кн. изд-
1981. — 96 с., ил.**

Основу книги орловского поэта составили стихи о Родине
ее прошлом и настоящем. Многие поэтические строки посвящены
природе среднерусского края, его людям.

А 70402—39 50.80.4 702 010 200
M154(03)—81

© Приокское книжное издательство, 1981

1

* * *

В Дубках,
Да в Лужках,
Да в Скородинке
Смешно нам о славе вздыхать.
Узнали бы только на родине,
А где-то успеют узнать.

А здесь-то в года завирухи
Протопали мы босиком.
Я с детства во мценской округе
С любой деревенькой знаком.

Я в дружбе с любой луговиной,
Приятель для каждой тропы:
Сорочий зовет по малину,
Осинковец — по грибы.

Взойду на лесную опушку,
Присяду в тени у куста,—
Знакомая с детства кукушка
Желает не менее ста.

Здесь даже зверье и пичуги
Считают меня земляком.
Ах, с кем не знаком я в округе?—
С любой собакой знаком.

Бывает, конечно, бывает:
В какой-то неласковый час
Звягливая Моська облает,
А Тузик мне лапу подаст.

Я встану стеною за друга,
Отдам и рубашку и честь.

Недаром судачит округа:
Мол, парень-то нашенский весь!

И мне под родительской крышей,
И мне у родимой ветлы
Не надо признания выше,
Достойнее похвалы.

В Дубках,
Да в Лужках,
Да в Скородинке
Смешно нам о славе вздыхать.
Признали бы только на родине,
А где-то успеют признать.

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

То от Холопьева моста,
То с улицы Тургенева
Пахнет в лицо дымком костра,
Дымком костра осеннего.

Потянет свежестью реки,
Горчинкой полынковою,
И обветшалостью стрехи,
И стружкой сосновою.

Запахнет русской стариной,
Густой медовой бражкой,
И свежей корочкой ржаной,
И давней кавардашкой.

И снова на закате дня,
Сквозь дым и расстояния,
Из детства хлынут на меня
Волной воспоминания.

Возникнет в памяти моей
Зеленый выгон в Минине:
Дымки костров у шалашей
За фронтовую линией.

Июньский вечер тих и свеж,
Луна леском погашена,
И варят беженцы кулеш
У каждого шалашика.

И вот опять горят костры
Над Ядринкой и Зушею,
И терпкий дым иной поры
Заполняет душу мне.

То от Холопьева моста,
То с южной территории
Пахнет в лицо дымком костра,
Дымком самой истории.

Повеет близким и родным,
Таким щемяще сладостным,
Таким по-детски озорным,
По-стариковски радостным.

И вдруг поймешь на склоне дней,
Что с самого младенчества
И горек он душе твоей,
И сладок дым Отечества!

* * *

Там, где Ядринка петляет,
Там, где вьется Студенец,
То гармошка зарыдает,
То запляшет бубенец.

Это верно:
Предки знали,
Как им праздники справлять,
Чем гасить свои печали,
Где им жажду утолять.

Ведь живет молва поныне,
Что из этого ручья
Пил Микула, пил Добрыня,
Причащался сам Илья.

Ключ ядреный,
Ключ студеный,
Ключ былинно-зоровой,
Я пришел к тебе с поклонной,
С побелевшей головой:

Чтоб живой водой умыться,
Осушить до дна корец —
Там, где Ядринка дымится,
Где клубится Студенец.

БАЛЛАДА О ТАТАРНИКЕ

В недобрый час чертополохом
Его поганый хан нарек.
И с той поры забыт он богом
На пустырях и у дорог.

Так проходили век за веком,
И люди вспомнили о том,
Что был он тоже человеком
И даже был богатырем.

Татары двигались ордою,
Нещадно грабили и жгли.

Вставали русичи стеною
За честь поруганной земли.

Был каждый почестей достоин,
Достоин славы и утех.
А все же оказался воин —
Бесстрашной всех,
Сильнее всех!

Когда его стрела сразила,
Сказал над мертвым хан Батый:
— Дрались бы все с такою силой,
Как этот русский богатырь!

А через год на Красной Круче,
Где храбрый воин в землю лег,
Поднялся яростно колючий
Красноголовый стебелек.

Скакал Батый по тем дорогам
И вдруг увидел стебель тот:
— Пускай таким чертополохом
Вся Русь навеки зарастет!

Кичливый хан умчался вскоре,
А стебель тот, суров и строг,
Остался воином в дозоре
На пустырях и у дорог.

Он смотрит вдаль,
Он бредит далью,
Непокоренный и живой,
С людскою вечною печалью,
С поникшей вечно головой.

И молчаливый, и суровый,
Он возвышается в траве,

И проступают капли крови
На этой гордой голове.

И пролетают век за веком,
И помнят русичи о том,
Что был он тоже человеком
И славным был богатырем.

ГОРЬКИЙ КОРЕНЬ

В 1802 году помещик Я. С. Есипов
и немец Е. И. Бланкеннагель построили
в селе Алябьево свеклосахарный
завод — первый в России.

Залетел деляга-немец
В эти русские края.
Размечтался чужеземец
У студеного ручья:

— Бог ты мой, какое чудо —
Эта свекла у раки:
Каждый корень больше пуда,
Сахарист и соковит!

Немец охал, немец ахал,
Чтоб соседа покорить:
— Из такой бы свеклы сахар
Удивительный варить!

Взволновался здешний барин,
Хлопнул немца по спине:
— За идею благодарен,
За компанию — вдвойне!

Так возник в красе и силе
Под алябьевской горой
Первый сахарный в России
И во всей земле второй.

Только сахар тот варили
Для царя и для господ.
А в народе говорили:
«Сладок корень — горек пот!»

Много лет корпела с тяткой
В знойном поле у ручья,
Может, Фекла, может, Гапка —
Прапрабабушка моя.

И жила одна забота
У нее в худой груди,
Чтоб ни репки, ни осота —
Ни травинки позади...

Шла босая жесткой грядкой,
Забываясь как во сне.
Проступал тот сахар сладкий
Белой солью на спине.

Вырастало в поле чудо,
Разметав дремучий лист:
Каждый корень больше пуда —
Соковит и сахарист!

И дымил в красе и силе
Под алябьевской горой
Первый сахарный в России
И во всей земле второй.

ГОЛОПЛЕКИ

Вышла в поле деревушка —
Две ракитки, три кола:
Кособокие избушки
Возле пруда собрала.

«Не сельцо, а Голоплёки!»—
Сорвалось у шутника.
Ускакал охотник в елки,
Ну, а шутка — на века.

Миновали в жизни сроки,
Стерлись горькие следы.
Нарядились Голоплёки
Ныне в шифер и сады.

Разрисованы карнизы,
Разукрашено крыльцо.
А лобастый телевизор
Как заглавное лицо.

Собрались отцы и дети,
Обмывают «Жигули».
Говорливые соседи
На беседу забрели.

На диване водрузились —
Смотрят «Первую любовь».
И Тургеневу не снилась
Никогда такая новь.

* * *

Этот лес
Подарен мне в наследство,
Этот луг
Завещан предком мне.

Я блуждаю по тропинкам детства
В дедовской былинной стороне.

По земле, где вольно и просторно,
Прохожу легко и не спеша:
Сердце замирает от восторга,
Музыкою полнится душа.

Несказанно радостно и грустно
Шелестит зеленая листва.
Наплывают песенные чувства,
В очередь становятся слова.

Хорошо в сторонке от дороги
Повалиться на густой траве.
Ни о чем не думаешь,
А строки
Сами возникают в голове.

Тут про все услышу и узнаю,
Расспрошу у дедовской избы.
Я в свою деревню приезжаю
За стихами,
Словно по грибы.

ЖУРАВИНКА

Убегает вдаль тропинка
Неизвестно от кого.
Журавинка, Журавинка —
Сказка детства моего.

В этой сказке на рассвете
Зябко вздрогнула земля:

Обронил попутный ветер
Молодого журавля.

Обагрилась кровью зорька,
А над зорькой той вдали
Долго-долго, горько-горько
Голосили журавли.

И растаял, словно льдинка,
Трубный голос журавлей
Над садами Журавинки
И над юностью моей.

* * *

Было буднично и просто
На душе и за душой.
Мимо сельского погоста
Торопился я домой.

Посмотреть бы мне направо,
Поклониться до земли
Тем могилам за канавой,
Что сиренью заросли.

Помянуть бы добрым словом
Всех сородичей своих,
Чтоб под этим жестким кровом
Было мягче праху их.

Ничего бы не заметил
И не вспомнил бы, увы,
Если б шляпу встречный ветер
Не сорвал бы с головы!

* * *

Чудак и труженик великий,
Мой дед, чтоб я не голосил,
Пучок душистой земляники
Всегда с покоса приносил.

Я выходил ему навстречу,
Навстречу радости самой.
А дед сажал меня на плечи
И нес торжественно домой.

Мне вспоминается в разлуке,
Как пахли ягодой тогда
Его мозолистые руки,
Его седая борода.

Чудак и труженик великий
Шагал тропинкой луговой,
А звезды зрели земляникой
Почти над самой головой.

* * *

Снова вижу матицу за печкой
И забитый в матицу крючок.
Песенкой веселой и беспечной
Забавлялся в уголке сверчок.

Золотая бабушка Акуля,
Вспоминая молодость свою,
Медленно раскачивала люльку,
Напевала баюшки-баю.

Летним днем из молодого сада
В растворенный нараспашку дом

Затекала нежная прохлада,
Смешанная с медом и дымком.

Это только проблески сознания,
Неизбывной памяти исток.
Светлые в душе воспоминанья
Будит незатейливый крючок.

Быть бы мне бродягою-скитальцем,
Да всегда, из стороны любой,
Этим самым крючковатым пальцем
Матица зовет меня домой.

* * *

Я рос у тебя непослушный,
Отчаянный обормот.
Ты часто драла мне уши,
Пускала ремень в оборот.

Лупила охотно и рьяно,
Сажала в сердцах синяки
За то, что неслыханно рано
Я стал выходить в мужики.

А я несказанно гордился
Мужицкою дружбой своей
И жизни суровой учился
У тех работающих людей.

Учился пахать и сеять
И русскую горькую пить,
И матушку нашу Расею
Кровинкою каждой любить.

Я рос у тебя непослушный,
Отчаянный среди ребят.
Ты часто драла мне уши —
Они и поныне горят!

* * *

Порой заарканит тревога,
И, в дали чужие маня,
Незримым канатом дорога
Потянет из дома меня.

Не просто потянет,
А с кровью
Меня отрывает она
От родового гнездовья,
От голубого окна.

Дорога назло отнимает
Меня у берез и раки.
Возьмет — измотает, измает
И снова домой возвратит.

И скажет:
Для блудного сына
Нет доли иной на земле.
Не трать по-напрасному силы,
Не ройся в остывшей золе.

* * *
Мценская ЦБС
им. И. С. Тургенева
Орловской обл.

Городок,
Сиренью запорошенный,
Я вернусь когда-нибудь опять,

1 | Мценская ЦБС 17

610007

Чтоб, как в детстве,
Голыми подошвами
Твой асфальт шершавый целовать.

Может статья:
Опьяненно-трезвый,
По дождю, по лужам —
Прямиком —
Побреду по улице известной —
Да при всем народе! —
Босиком.

Буду тихо
Плакать и смеяться,
Позабыв,
Что — можно,
Что — нельзя.
Недрузи подпрыгнут от злорадства,
Схватятся за голову друзья.

Отрешенный и непогрешимый,
Буду шатко уходить вперед.
Чья-нибудь знакомая машина
Чудака случайно подберет.

Я еще до дома не доеду,
А повсюду разнесется слух.
Позовет в больницу на беседу
Мой давнишний ученик и друг.

Я приду,
Скажу ему:
— Сережа,
Самый золотой из докторов,
Понапрасну ты меня тревожишь:
Я вполне нормален и здоров.

Мне бы обезуметь в самом деле
От житейской смуты и обид.
Да не время, брат, для канители,
Да мужская гордость не велит.

Просто в жизни многое не спелось,
Что уже не спеть и не сыграть.
Оттого, как в детстве, захотелось
Пятками асфальт поцеловать.

Ничего со мною не случится
В грустном одиночестве моем.
Может, только матери приснится
Босоногий мальчик под дождем.

* * *

Вечно мальчишки в России —
В речке, в овражке, в леске —
Желтую глину месили,
В желтом возились песке.

— Где-то в ложине совиной,
Очень далеко, сынок,
Есть еще белая глина,
Есть еще красный песок!

Утром с большущей лопатой,
Чтоб не увидела мать,
Мчался мальчишка сопатый
Белую глину искать.

Следом ватага затопала
Через чужую повесть,

Чтобы у Малого Теплого
Красный песок посмотреть.

Скрылся никем не замеченный
В поле ребячий десант.
Дома до позднего вечера
Ищут пропавших ребят.

Детство ни в чем не повинно,
Память стучится в висок:
Снится мне белая глина,
Снится мне красный песок...

ЩЕГЛЫ

Была в России деревенька
С веселым именем Щеглы.
Была такая деревенька,
Теперь ни хаты, ни ветлы.

Кругом немое запустенье,
Да непролазный чернобыл,
Да у канав кусты сирени,
Как будто холмики могил.

Да с той поры,
С той ночи тяжкой,
Когда людей настигла смерть,
Горит рябина у овражка
И все не может догореть.

Пусть на душе полынно-горько
Порой бывает у меня,
Горит рябина у пригорка
Как символ Вечного огня.

СЕРДЦА

Перекрестив досками ставни,
Заколотив гвоздями дверь,
Жильцы покинули Муравню
И где-то странствуют теперь.

А может, справив новоселье
И крест поставив на селе,
Они прижились и осели
Навечно в Туле и Орле.

А где-то в Лисьем и Сорочьем
От прошлых дней остались пни
И, как больные зубы ночью,
Покоя не дают они.

А где-то домик в два окошка,
Где мыши шастают теперь
И много лет скребется кошка
В ту заколоченную дверь.

И грудь мучительно занует,
И вдруг захочется с тоски:
Кому в Шеглы,
Кому в Хмельное,
Кому в Зеленые Лески.

Чтоб целый день пешком отмерив,
Взгрустнуть у старого крыльца.
Видать, забиты только двери —
Не заколочены сердца.

* * *

Помню:
Дед, худ и сед,
Зашумит с полатай:

— Дай-ка, мать, соломах,
Соломатн!

Дай-ка, мать, соломах,
Чтоб взыграла сила,
Чтобы сеять, чтобы жать
Любо-мнло было!

Хлебный дух, русский дух
Плыл по хате
От парной, заварной
Соломаты.

Деда нет, бабки нет —
Горькая утрата.
Да храннтся секрет
Соломаты.

Попрошу родную мать,
Вспомннв детство:
— Дай-ка, мать, соломах —
Дедовское средство.

Дай-ка, мать, соломах,
Чтоб взыграла сила,
Чтобы сеять, чтобы жать
Любо-мнло было!

КУЛИЧИ

Здесь все по-деревенски ново:
Днван, приемник и буфет.
Нн стана с крашеной основой,
Нн прялки бабушкиной нет.

Лампадки, лампы и лучины —
Как не бывало никогда.
В просторной горнице лучисто
Горит под матицей звезда.

Меня охватывает жалость
При виде этого всего.
Быть может, что-нибудь осталось
Еще от детства моего?

Лишь на столбу, на перемычке,
От солнцепека горячи,
Сидят фарфоровые птички,
Как бабушкины куличи.

ЗАПРАВКА

Сюда, к развесистым раkitам
И рокотавшим тракторам,
Нас, безотцовщину, магнитом
Притягивало по утрам.

И гужевалась у ограды
Орава шумная повес,
Когда чумазая бригада
Катила к нам из МТС.

Здесь в царстве дегтя и бензина
Жила романтика труда.
И звал какой-нибудь детина:
— А ну-ка, гаврики, сюда!

И было ясно без вопросов,
Что лучше — дальше от греха,

И кто-то шприцевал колеса,
И кто-то драил лемеха.

И был у каждого характер,
И не спрашивал никто:
— А что такое карбюратор
И что такое магнето?

Случалась всякая промашка,
И знал любой из пацанов,
Как доставалась перетяжка
Или притирка клапанов.

Зевали рваные ботинки,
Горели руки и бока,
А задавал на вечеринке
Иной такого трепака:

«Карбюратор не сосет,
Свечи не работают.
В клапанах такой зазор,
Что цилиндры хлопают!»

И, забывая передряги,
Спешили снова по утрам
Безбожники и работяги
К своим добитым тракторам.

Шагали дружно по дорожке
Походкой валкою своей,
Неподражаемо похожие
И на богов, и на чертей.

И нам хотелось в ту минуту,
Конечно, втайне от других,
Всю рожу вымазать мазутом,
Чтоб чем-то походить на них.

И мы от гордости сияли,
Когда садились на прицеп.
И мы не в гавриков играли,
А зарабатывали хлеб!

Мы с упоением и азартом
В любви деревне не клялись.
Для нас заправка стала стартом —
Неповторимым стартом в жизнь.

ЗИМНИЙ СОН

Теперь их позабыли сводки,
Покинули грузовики.
Стоят комбайны-самоходки,
Надев на шины башмаки.

Стоят и дремлют на приколе,
А снится жаркая страда:
Они снуют в раздольном поле
Туда — сюда, туда — сюда.

Им снятся зори и рассветы,
И разливное море ржи,
И раскаленный полдень лета,
И пройденные рубежи.

И вот застыли, как в дозоре,
На деревянных башмаках,
И густо пламенеют зори
На их натруженных боках.

Теперь никто их не тревожит,
А может, кто-то загрустит
Да тропку раннюю проложит
Среди заснеженных ракет.

Да в холода, почуяв лихо,
Презрев опасности в пути,
Прискочит старая зайчиха,
Надеясь зернышко найти.

* * *

Окину поле у раки
Счастливыми глазами:
Ячень лукаво шевелит
Колючими усами.

Взгляну на поле у берез,
А там, не умолкая,
Звенит сережками овес,
Пшеницу завлекая.

А вот и клин у тополей,
Где всем богам на диво
Желтеет барыня полей
Моя ржаная нива.

Встречает дед:
— Ну как, сосед?
— Приятно любоваться!
— Ужо довольно бы глазеть:
Пора за дело браться!

ВЫСОКОЕ

Пробиваясь сквозь туман,
Лезет солнце в окна.
Поднимает мощный кран
Утро над Высоким.

Не смолкают топоры,
Не стихают пилы:
Завершаются дворы,
Ставятся стропила.

Собираются дома,
Строятся в поселок.
Ждут дома-терема
Дельных новоселов.

Лепестками замело
Шиферные крыши.
Стало русское село
И светлей, и выше.

А с восточной стороны,
За последней хатой
Разлеглись, как валуны,
На холме телята.

* * *

Я стою на берегу —
Вот еще потеха:
Словно за ночь на лугу
Навалило снегу!

Заходили возле хат
Белые сугробы:
Сколько тут гусиных стад?—
Сосчитай попробуй.

В каждом стаде свой вожак,
Свой хозяин строгий:
Обходи его косяк,
Не дразни, не трогай.

Если этих гусаков
Да с гусями в воду,
То река из берегов
Выплеснется с ходу.

Я стою на берегу
И глазам не верю:
Сколько пуху на лугу,
Сколько будет перьев!

Балагурят пастухи
У речной плотины:
— Будут девкам женихи —
Были бы перины!

* * *

Увозит девок и молодок
Приятель на заречный ток.
Мелькают пики загородок
Из свежеккрашенных досок.

А вот и белый дом у речки,
Невольно дрогнула душа:
Жена скучает на крылечке,
Качая в люльке голыша.

— А ну, бедовая бригада,
Споём шоферу своему:
«Живет моя отрада
В высоком терему».

Шофер опомнится у тока:
— Эй, девки, завяжите рот! —
А те, подмигивая сбоку,
Полезут шумно через борт.

— Нет, раньше было интересней:
Пока до полюшка дойдешь,
Ну, все-то байки,
Все-то песни
Переберешь,
Перепоешь.

И станут с явною досадой
Они ворчать и сожалеть,
Что не успели про отраду
Свою заветную допеть.

ГОРЮХА

Маячит лошадь в дальнем поле
И день, и два, и много дней.
И любопытство поневоле
Рождается в душе моей.

И мать в ответ вздыхает глухо
И начинает божий суд:
— Звалась разумница Карюхой,
Теперь Горюхою зовут.

Была стожильная кобыла
И нрава кроткого была:
И безотказно всем служила,
И всех безропотно везла.

Потом за все труды в награду
Перевели ее от нас
В другую дальнюю бригаду,
Да видит бог, в недобрый час.

Затосковала там Карюха
По стороне своей родной
И, даже спутанная туго,
Она припрыгала домой.

Ее отжучили за речкой,
И пьяный конюх полчаса
Рвал губы теплые уздечкой
И плетью прочищал глаза.

И, совершивши подлость, в страхе
Бежал он от Карюхи прочь.
И наступила для бедняги
Непроницаемая ночь.

С тех пор она маячит в поле
И временами скорбно ржет,
И только эхо поневоле
Из лесу голос подает.

ПЕЧАЛЬНИК

— Этот голубь подался в Тулу,
Эта ласточка в Нижний Чир!—
И бредет по селу сутуло
Опечаленный бригадир.

Ну, кого мне послать на свеклу?
Выручай, пенсионный народ:
Тетка Марфа да бабка Фекла,
Дядя Кузя да дед Федот!

Эти слепли при керосине,
Эти выросли на лебеде.
Эти вечно кормили Россию,
Не бросали ее в беде.

Эти вечно в делах и заботе,
А вот дети из дома бегут:
Почему же у них не в почете
Это поле и этот труд?

Чем мешают маманя с папаней?
Чем уклад деревенский не люб?
Нету бани?
Пожалуйста, баня!
Нету клуба?
Пожалуйста, клуб!

Может, водка в деревне дороже
И безвкуснее белый хлеб?
Может, нету ковровых дорожек
Или кто от лучины ослеп?

До чего это, братцы, нелепо!—
И печальник под каждым окном
Укоризненно тычет в небо,
Как перстом,
Телеграфным столбом.

КОРЕНЬ

Снова сын с невесткой
Деда атакуют.
Снова очень веско
Старику толкуют:

— Главная усадьба,
Новая квартира:
Жить да поживать бы
На виду у мира!

Дед не хочет слушать,
Гневен и упорен:
— Значит, дом порушить
И порушить корень?

— Не мели, Емеля,
Корень корню — рознь:
Там земля — земелька,
Тут — копни и брось.

Дед собрался с духом,
Режет правоту:
— Значит, брось старуху,
Словно сироту?

— Ты оставь в покое
Матушкины кости:
Соберемся трое —
Вспомним на погосте.

Дед рукою дряблой
Трет со злостью лоб:
— Ну, а сад? А яблоньки?
Лучше сразу в гроб!

Вырыли антоновки,
Увезли с собою.
А в саду воронки,
Словно после боя.

ХОЗЯИН

Вспомнил дед забитый дом,
В деревеньке брошенный:
Там теперь бурьян кругом,
До сих пор не скошенный.

Там в заветном уголке,
Тряпочкой повитая,
Ждет коса на чердаке,
Загодя отбитая.

Надевает дед штаны
И рубаху свежую —
И подался от жены
На усадьбу прежнюю.

Что ты, брат, ни говори,
А коса бедовая:
Лихо порет купыри,
Лопухи садовые.

Подошел дремучий дед,
Усмехнулся в бороду:
— Знать, соскучился, сосед?
Не сидится в городе?

Да, без дела не сижу.
Как тебе сказать бы:
Вот порядок навожу
На былой усадьбе.

Сам протер косу травой
И вздохнул нечаянно:
— Чтоб не думал домовой
Плохо про хозяина...

* * *

Она живет светло и тихо,
Без лишней грусти и забот.
Однажды в месяц почтариха
Вручает скромный перевод.

— Видать, еще не позабыли,
Что я, бездельница, живу!
А ведь была когда-то в силе:
И рожь косила, и траву.

И станет бабушка делиться
Своим старушечьим «ку-ку»:
Какие были-небылицы
Перевидала на веку.

— До самой смерти не забуду,
Как тяжки плуг и борона,
И по распутью по два пуда
Таскала раньше семена.

Теперь-то нету прежней боли,
Не по-людски, а кое-как:
И без души картошку полют,
И свеклу тяпают не так!

Чего и не было в помине:
На каждой былочке — паук
И в огород пробрался ныне
Какой-то чужеземный жук...

И беды все — от недогляда,
От лени-матушки, от ней.
И до того берет досада,
Что просто стыдно за людей.

И ты подумаешь невольно,
Вздыхая над чужой судьбой,
Что всем-то бабка недовольна,
А если вдуматься — собой!

* * *

Разучились нынче бабы
Ставить дежи, хлебы печь.
А ведь каждая могла бы
Ту науку приберечь.

У соседки — дочь невеста
Восемнадцати годов.
Раз невеста, то известно:
Поджидай вот-вот сватов.

Значит, надо хлебом-солью
Дорогих гостей встречать.
Будет доброе застолье,
А в застолье — грех скучать.

Сват, конечно, хватит лишку
И зависнет над столом:
— Почему же нет коврижки
С рушником и петушком?

Стол прогнулся от закуски,
Скатерть винами цветет.
Ну, а все же не по-русски —
Без коврижки стол не тот!

Где, скажите, дух подовый?
Для чего, скажите, печь?—
Нет, учитесь, бабы, снова
Ставить дежи, хлебы печь.

ШУТОЧНЫЙ СКАЗ

Все тяжелей, все тяжелей
Пастушья сумка.
Налей, старуха, не жалей,
Полнее рюмку.

Налей за счастье пастуха
Под небом синим.
За наши русские луга,
За мать Россию.

Я вспомню зной и холода,
Жару и ливни.
Я был отчаянный тогда
И был счастливый.

Меня боялся лютый зверь,
Любило стадо.
А вот теперь, а вот теперь
Душа не рада.

Теперь пугают хворь и лень,
На сердце зябко.
Не греет даже в летний день
Баранья шапка.

Хожу-брожу, как неживой,
Ступаю слепо,
И кажется над головой
С овчинку небо.

Все тяжелей, все тяжелей
Пастушья сумка.
Налей, старуха, не жалея,
Полнее рюмку.

Налей, старуха, я не пьян:
За мать Россию
Я, может, даже не стакан,
А два осилю!

КОСЯК

Я хмельною головою
Чесанулся о косяк:
Пол качнулся подо мною,
Потемнело враз в глазах.

Обвиняю непогоду
И клянущую крутой порог:
— Не заглядывал три года
И еще бы столько мог!

Дед вздыхает, озабочась:
— Э, косяк родной избы
И на память, и на прочность
Всем испытывает лбы!

БРАТВА

В семью рабочую зачислена,
Нагрянет в парк в субботний день
Братва из Теплового и Кислина
И прочих дальних деревень.

Сойдясь за доброй кружкой пива,
Припоминают земляки
И деревенские мотивы,
И родословные пеньки.

И словно в давней деревушке,
Где был бедовый пятачок,
По вечерам звенят частушки
И каблучок — о каблучок...

Еще живет обычай древний
И прошлых дней не стерся след:
В любом подъезде тут деревня
И в каждом доме — сельсовет.

И вовсе не беда, что ныне
У них особая страда:
Ребята плавят алюминий
И бьют рекорды иногда.

Их не балуют шибко славой,
Но дружно верят в их успех
И вся рабочая держава,
И боевой плавильный цех.

ЗАПОВЕДЬ

Скажут:
— Самый красивый!—
Улыбнись и поверь:
Не красивый, а сивый —
Это модно теперь!

Скажут:
— Мудрый из мудрых!—
Ну, а ты не мудри:
Станешь ясным, как утро
На исходе зари.

Скажут:
— Главный из главных!—
Станут шапку ломать.
Это очень забавно,
Постарайся понять.

Скажут:
— Лучший из лучших!—
Станут медью греметь.
Ради бога, голубчик,
Не спеши захмелеть.

Тех, кто дружно шумели,
Не найдешь никого:
Будет горьким похмелье
Для тебя одного!

* * *

Все смешается во мгле —
Быль и небыль.
Жил и не жил на земле,
Был и не был.

Если пылко не любил,
Страсть не ведал,
Значит, юность загубил,
Душу предал.

Если жил среди людей
Одиночкой,
Значит, был для них ничей,
Мертвой почкой.

Если кровь и лебеду
Не отринул,
Значит, общую беду
Сердцем принял.

Если доброе зерно
В жизни сеял,

Значит, в мире заодно
Был со всеми.

Если спутники во мгле
Нам светили,
Значит — жили на земле,
Значит — были!

* * *

Где-то свадьбу празднуют,
Водку пьют захлеб.
Где-то в глину красную
Опускают гроб.

Кто-то в муках тяжких
Свой закончил век.
А на свет в рубашке —
Новый человек.

Человек рождается,
Чтобы жить-гореть.
Вечность продолжается —
И бессильна смерть!

* * *

Девчата сидели и пели,
Тревожа больничный покой,
Как серые гуси летели,
Спешили с чужбины домой.

А гуси весну уносили
На Зушу, на Снежедь, на Чернь.

Во Мценске теперь, в Новосиле —
Ручьи по дорогам теперь.

— Эй, гуси! — отчаянно-дико
Я стае вдогонку кричу. —
Возьмите меня, горемыку,
Я с вами домой улечу.

Меня напоили бы соком
Березы в заречном краю.
А тут я брожу у истока
И воду противную пью.

И гуси ответили грустно:
Мол, все у тебя впереди.
И стало знобяще и пусто
В моей наболевшей груди.

И я напрягался в бессилье,
И снова впадал в забытье.
А гуси несли над Россией
На прутике сердце мое.

* * *

Памяти А. Т. Твардовского

Бывал ли ты в Дорогобуже? —
А я, как двадцать лет назад,
Воспоминаньями разбужен,
Варю картошку для ребят.

Друзья за месяц досыпали
В худом прибрежном шалаше.
Плоты качались на причале,
Плескалась щука в камыше.

Душа избавилась от боли
В дыму походного костра.
Я оказался на приколе
В слиянье Осьмы и Днепра.

Я буду вечно благодарен
Судьбе за радость этих дней.
Ах, почему ты, тетка Дарья,
Не стала тещею моей?

Тот городок поныне снится,
Поныне снятся те леса.
Нет-нет сквозь память медуница
Заглянет ласково в глаза.

Поманит дикая смородина
На берега смоленских рек.
Твоя задумчивая родина
Мне стала милою навек.

Бывал ли ты в Дорогобуже,
У этих рек, у старых свай?—
Я снова, памятью разбужен,
Благословляю этот край.

* * *

Занесло сюда купца,
Разморило пьяного:
— Ни колодца-студенца,
Ни пруда поганого!..

Пролетело столько лет,
Столько зим минуло:
Ни купца на свете нет,
Ни амбара винного.

Люди вырыли пруды
И колодцы дивные.
Всюду славятся сады
Грушами и сливами.

Стало людям не к лицу
Прозыванье прежнее:
Дали имя Поганцу
Светлое и нежное.

Засвистел-запел скворец
Песенку бедовую:
«Я летел в Поганец,
А попал в Садовую!»

МИКУЛА

Поле, как в былине, за рекой,
Только не посвистывал оратай,
Не скрипела сошка под рукой,
Под его рукою узловатой.

День оглох от шума скоростей,
От лихого рокота и гула.
Узнаю тебя по борозде,
Озорной гудиловский Микула!

Ты меня за шутку не ругай,
Ибо я души в тебе не чаю:
Люди величают — Миколай,
Ну, а я Микулой величаю.

Не отнимешь —
Ладен и пригож!
Залюбуюсь иногда украдкой:

Шибко на Микулу ты похож
И лицом, и силою, и хваткой.

Я учил былину наизусть,
Ты прочел по-своему былину:
Бросил сошку за ракитов куст
И охотно пересел в кабину.

ИСПОВЕДЬ ШОФЕРА

1

Вожу кирпич,
Вожу железо,
Вожу весь день зерно с полей.
Вожу, спешу, из кожи лезу,
А мне кричат:
— Давай живей!

Мне не хватает сил и сметки,
Пяти машинных скоростей:
Широким шагом пятилетка
Шагает по земле моей!

2

Страда

Весь день без отдыха спешила,
Немалый отмахала путь.
Устала дьявольски машина —
Не может шиной шевельнуть.

А я с горячего капота
У звезд дежурных на виду
Смахну рукою капли пота
И вновь машину поведу.

3

Горели руки молодые,
Ломило у ребят в боку.
Сверкали горы золотые
Литой пшеницей на току.

А я грузу вот эти горы
И чувствую, как подо мной
Пружинят новые рессоры
И оседает шар земной.

4

Алеет на кабине ЗИЛа
Звезда у правого крыла.
Она в дороге мне светила,
Звала на трудные дела.

Я перевез составы хлеба,
Купаясь в солнце и пыли.
Мы не хватаем звезды с неба,
А поднимаем их с земли!

* * *

Позабыты старые,
Людные места:
Улица Амбарная,
Пристань у моста.

Не припомнят даже
Нынче старики,
Как по Зуше баржи
Тянут бурлаки.

Глохнут и скудеют
Зуша и Ока.
Только не мелеет
Хлебная река.

Русь на мценском хлебе
Подымалась ввысь.
Эти зерна в небе
Звездами зажглись.

Ни купца, ни барина,
Ни амбаров тут.
Именем Гагарина
Улицу зовут.

2

* * *

Погляди:
За речкой,
За Пчелиным бродом
Забелела гречка,
Задышала медом.

Пьешь не просто воздух,
А настой медовый.
Думаешь о звездах
В тишине садовой.

Сам ты в мирозданье
Кажешься пчелою,
Что летит за данью,
Данью восковою.

Скор и неприметен
Твой пчелиный век.
Все равно на свете
Ты счастливей всех.

Ты видал за речкой,
За Пчелиным бродом,
Как белела гречка,
Как дышала медом.

ЖИВОЙ УГОЛОК

Услышал об этом мальчишке —
И вспыхнул живой интерес.
— А вы, вероятно, к братишке?
Да он спозаранку исчез!

Девчушка меня проводила
В домашний живой уголок.
— Сюда бы еще крокодила:
Увидел бы — приволок!

Лисенок, заметив хозяйку,
По-свойски хвостом замахал.
— Вот этого Попрошайку
Хромого в лесу подобрал.

— А это зайчишка Гаврюха,
Ужасный любитель овса.
Прижился у нас корноухий —
Насилу отбили у пса.

— А этого дурня Мяуку
Слепого швырнули в овраг.
Братишка по этому звуку
Его отыскал в лопухах.

У брата такая сноровка,
Такой заговор-приворот,
Что скоро и божью коровку
Домой в поводке приведет!

МУРКА

Вышла Мурка посмотреть погоду.
Только отлучилась за порог,
А котята канули как в воду,
Поминай как звали четырех.

Может быть, их спрятали в крапиве,
А быть может, в дальний лес несут?
Что же делать?

Ведь они слепые
И домой дорогу не найдут.

Всю неделю бедная мяукала,
Все углы обшарила в дому.
Ни к чему звериная наука,
И кошачья ловкость ни к чему.

Не смиряясь,
Лезет втихомолку
Мурка в потайные уголки.
— Что ты, ведьма,
Шастаешь по полкам?
Что ты, дура,
Лижешь пузырьки?

— Не ругай ты кошку, Емельяновна,
И чертей не призывай на суд:
Это Мурка ищет валерьяновку,
Видно, нервы у нее сдают.

* * *

Был он масти вороной,
Знатной был породы.
Да обходят стороной
Глупые коровы.

Нагулявшись по траве,
Брел лесной дорогой
Вол по кличке Галифе —
Жилистый, безрогий.

Много верст, трудных верст
По дороге скверной
Тянет вол тяжелый воз
Медленно и верно.

Вол напорист и здоров,
Не охоч до славы.
Только жаль ему коров,
Милых и слюнявых.

ЗАЙЧИШКА

Ослепила вспышка,
Как тугой удар.
Мечется зайчишка
В ярком свете фар.

Вышел беспризорный
Поискать овса.
Золотые зерна
Брызнули в глаза.

Бьет в глаза упрямо
Этот жуткий свет.
Спохватилась мама,
А зайчишки нет.

Дурень бестолковый,
Убегай домой.
Да не вздумай снова
Встретиться зимой!

ПЕТУХ

Еще темно в деревне
И смотрит сны народ,
А он зарю на гребне
Выносит из ворот.

За гребень красно-бурый,
За шпоры-востряки
Его любили куры,
Хвалили старики.

Сноровистый и смелый,
Взлетал он на сарай:
Горланил очумело,
Хоть уши затыкай.

— Опять распелся ухарь,
Опять накличет гром!—
Не выдержит старуха —
С метлой за петухом.

— Ну, я тебе, анчутка,
Дурную оторву!—
Свалился гребень чудный
В зеленую траву.

Померк огонь на гребне
В один из грешных дней.
Спокойнее в деревне
И, кажется, темней.

* * *

Радуются утки
В луже у плетня.
Ни одной попутки,
А стою полдня.

Что ты хочешь делай,
По колено грязь.
Подвернулся смелый:
— Так и быть: залазь!

Перекинул с маху
Ногу через борт.
Окорячил флягу
И сижу, как черт.

ЗИЛ ревел и ухал,
Лихо газовал.
Я же пятый угол
В кузове искал.

Ох, уж эти фляги,
Фляги с молоком!
Наберусь отваги,
Двинусь босиком.

Я дорогу эту
Знаю наизусть:
Зори да рассветы —
Полевая Русь!

* * *

Замела дорожку
Палая листва.
Вырыта картошка,
Убрана ботва.

В огороде пусто,
Гол осенний сад.
Лишь одна капуста
Не уходит с гряд.

Не страшны капусте
Ни мороз, ни дождь,

Ибо на капусте
Пятьдесят одеж.

Спорим до одышки
О простых вещах:
Кто о кочерыжке,
Кто о жарких щах.

Ни к чему, наверно,
Этот самый спор:
Коль корпел упорно,
То бери топор.

Мне спасибо скажет
Тут кочан любой,
А кому покажет
Свой кулак тугой!

ПОДОРОЖНИК

Ни скрип колес тележных,
Ни топот конских ног
Не потревожат прежних,
Заброшенных дорог.

А он дорогой бредит,
А он упрямо ждет,
Что кто-нибудь проедет,
Что кто-нибудь пройдет.

Все слушает, все слушает
Минувших дней мотив,
Развесистые уши
По ветру наострив...

МУРАВЬИ

Я устал на покосе,
Развалился в траве.
От березы к березе —
Муравьи в мураве.

Мчатся к маминой кочке
Муравьиным шоссе:
Непрерывной цепочкой,
По веревочке все.

Эти даром не бродят,
Не теряют свой след
И меня переходят,
Как Уральский хребет!

В ЛЕСУ

Залив костер и спрятав косы,
Мы спать отправились в шалаш.
А в трех минутах от покоса
Царил туристский ералаш.

Шумел камыш, стонал Сорочий,
И под покровом темноты
От дикарей в ночных сорочках
Березки прятались в кусты.

* * *

Людские беды и печали
Ее сгибают до земли:
Недаром матушкой назвали,
Не зря плакучей нарекли.

Опять в алябьевской округе
Береза горько слезы льет:
В беде протягивает руки
И людям ветки отдает.

А эти двое у откоса,
Бахвалясь силою своей,
Свалили белую березу
И обломали ветви ей.

Трещат суки, звенит железо,
В чащобу прячется зверье.
Еще одну бы ветку срезать
И сделать розгу из нее!

* * *

Шумит над просекою ливень,
И мы, промокшие насквозь,
Стоим и жалуемся иве,
Что убежать не удалось.

И вдруг обрадовались дико,
Заметив чудо у столба:
Стыдливо рдеет земляника,
Прикрывшись зонтиком гриба.

* * *

Уходит вдаль до перевала
Гряда заснеженных берез.
Верхушки белым покрывалом
По-русски повязал мороз.

Как хорошо в таком наряде
Деревьев изучать ряды:
Листать страницы междурядий,
Читая свежие следы!

* * *

На пригорках выгорели травы
Без единой капельки дождя.
Жгучий ветер рвался на расправу,
И палило солнце не щадя.

Только рожь цвела и колосилась
И, припомнив угрожавший зной,
Подошла и низко поклонилась
Полосе березовой лесной.

БАЛЛАДА О СОСНАХ

Сказывают люди, будто ныне,
Испытав превратности судьбы,
Прижились в далекой Аргентине
Русские деревья и грибы.

Значит, скоро у степных селений
Зашумят сосновые леса.
Ну, а начиналась с приключений
Первая лесная полоса.

Распушив зеленые хвоинки,
Появились сосенки на свет.
А вокруг ни липки, ни осинки,
Ни одной травинки русской нет.

Загрустили сосенки в разлуке,
Стали сохнуть с горя и тоски.
Лесоводы и мужи науки
Не шутя схватились за виски.

Слезно убеждали и просили,
Чтоб раскрыли знатоки секрет.
Наконец явился из России
Старикан семидесяти лет.

Он полушутя, полусерьезно
Отчитал того, кто виноват:
— Как же вы выращивали сосны
И совсем забыли про маслята?

Улыбнулся русич хитровато,
Пальцем по-приятельски грозя:
— Вы забыли: сосны и маслята —
Это неразлучные друзья!

Старичок поколдовал над бровкой
И потряс коробочку в руке.
Вскоре желтоватые головки
Все заполонили в сосняке.

Поселились с сосенками рядом
Очень дорогие земляки.
Зеленеют дружно и отрадно
Молодых посадок островки.

И не зря, провозглашая тосты,
Хвалят аргентинцы от души:
— До чего великолепны сосны,
До чего маслята хороши!

* * *

Зарос кувшинками и ряскою
У берегов старинный пруд.
А над его плотиной тряскою
Грачи отчаянно орут.

Ах, это снова у дороги
Крест-накрест забивают дом:
Вот почему грачи в тревоге,
Вот почему такой содом.

Опять кого-то по разлужью
Дорога в город повела.
Грачи не могут равнодушно
Смотреть на грустные дела.

Они не терпят вероломства,
У них совсем наоборот:
Крепить гнездо,
Растить потомство
И продолжать грачиный род.

* * *

Куда девались те орловские,
Неповторимые луга,
Где вечерами августовскими
В тумане плавали стога.

Куда пропали заповедные,
В цветах и ягодах, холмы,
Где зори росные рассветные
Встречали косарями мы?

Куда попрятались с опушек
Чабрец, душица, зверобой,

Лишив таинственных старушек
Волшебной силы колдовской?

Лишь память бережет застенчиво
Весь этот мир и красоту,
Как романтическая женщина
Свою наивную мечту.

СТАРЫЙ КОЛОДЕЦ

Он поил дедов и бабок
Самой светлой ключевой.
Ну, а всех больных и слабых
Исцелял водой живой.

Знал он сказочные были,
Видел всяких удальцов
И, хотя его забыли,
Помнил каждого в лицо.

Ты найдешь его не сразу,
А отыщешь — не робей:
Он стрельнет зеленым глазом
Из-под сросшихся бровей.

Заглянешь в него, как в тайну,
Отведешь невольно взгляд,
Словно ты пред ним случайно
Тоже в чем-то виноват.

* * *

Соберу и уложу в рюкзак
Все свои обиды и печали
И тропинкой выйду на большак
И пойду в неведомые дали.

И скрещу я руки за спиной,
Виновато голову понурю.
И погонит совесть, как конвой,
И опять в душе посеет бурю.

Побреду, рассеивая грусть,
Кланяясь березам и осинам.
И домой под вечер возвращусь,
Все тревоги за спину закинув.

И поверю я без лишних слов
Всем, кто вечно бродит и кочует,
Что дорога лучше докторов
Ветром и усталостью врачует.

* * *

Удалившись от лесной границы
И нырнув под деревянный мост,
Распушила по лугу Лисица
Ярко-рыжий ивняковый хвост.

Поплутала над рекой тропинка
И сбежала ящерицей вниз,
В узкую прибрежную ложбинку,
Где кусты черемухи сплелись.

И свернулась кочка, словно ежик,
Выползший на берег из кустов.
И на перекрестке двух дорожек
Простоять до вечера готов.

Хочется мне заново взглядеться
В каждую травинку на лугу
И увидеть собственное детство
С удочкой на тихом берегу.

* * *

Знакомых дорог перекрестки,
Заливчатый звон бубенца.
Березки, березки, березки —
От Спешнева до Студенца.

Пойду по лесам спозаранку,
Увижу в рассветную рань
Берещино и Берестянку,
Березовку и Березань.

Я стану на старом кургане,
Стою и гляжу не дыша:
От этих берез и названий
Невольно светлеет душа.

Почудятся вновь перекрестки
И свадебный звон бубенца,
И кружатся в танце березки
От Спешнева до Студенца.

* * *

Теперь у нас в Гудиловке
Сугробы выше крыш,
И ты на той развилке,
Печальная, стоишь.

Теперь у нас над Снежедью
Метель, метель, метель,
И, вспоминая прежнее,
Надрывно стонет ель.

Теперь у нас на Мценщине
Снега, снега, снега,

И маленькая женщина
До боли дорога.

Теперь у нас в Орловии
Мороз, мороз, мороз,
И я сдвигаю брови,
И не скрываю слез.

Теперь у нас в России
Зима, зима, зима,
И я от ностальгии
Во сне схожу с ума.

* * *

Были мельницы и запруды
На моей неприметной реке.
Плавал селезень сизогрудый
С белой утицей в тростнике.

Не спеша шевеля плавниками,
В наши верши и кубари
Шли игривыми косяками
И синички, и пескари.

Здесь барахталась очумело
Голопузая ребятня.
Сердце екало, сердце пело,
Сердце прыгало у меня.

Отчего же неласково стало,
Неуютно и сиротно окрест?
Видно, вслед за людьми убежала
Наша речка из брошенных мест.

Пахнет тиной, тянет гнилью
Над забытым ее бочажком.
Вязнут гуси в зеленом иле,
Ходят гуси по дну пешком.

Где вы, мельницы и запруды,
На моей неприметной реке?
Где ты, селезень сизогрудый,
С белой утицей в тростнике?

Это память зовет и жалеет,
Что ушло и уходит навек.
Говорят, если реки мелеют,
То мелеет душой человек.

3

* * *

Опять в усадьбе Фета
Вздыхают соловьи,
Что бедному поэту
Не повезло в любви.

Святая невезучесть!—
Ей надо дорожить,
Чтоб радуясь и мучась
На белом свете жить.

Без этих мук и страсти,
Ошибок и грехов
Мир не познал бы власти
Пленительных стихов.

Поэты плавают в радость
Свою печаль и боль,
Всю жизнь душевно тратясь
На вечную любовь.

Пусть в этот вечер летний
Напомнят соловьи,
Что нет любви последней
И первой нет любви.

* * *

Я тону в житейском море,
Допекли меня дела.
В каждом споре,
В каждой ссоре
Раскаляюсь добела.

Превращаюсь в чумового,
Невменяемым кажусь.
С полувзгляда,
С полуслова,
С полувзмаха завожусь.

Ну, а друг махнет рукою
И уложит наповал:
— Это самое такое,
Без чего бы ты пропал!

Утверждал же захмелевши
Знаменитый лирик Фет:
Если ты не сумасшедший,
То какой же ты поэт?

* * *

Л. М.

Мы не очень знамениты
И не шибко прыткие,
Но и мы не лыком шиты,
А суровой ниткою.

Эту нитку мать сучила
Вечерами зимними,
Чтобы — никакою силой,
Никакими ливнями!

* * *

Может быть, для долгого труда,
Может быть, для радости мгновенной
Залегла словесная руда
В глубине таинственной душевной.

Я годами маюсь, как в аду,
Потеряв покой и равновесие,
Чтобы эту черную руду
Переплавить в светлую поэзию.

* * *

Давно не брался за бумагу,
Давным-давно от рифм отвык.
Где взять мне силу и отвагу,
Чтоб снова развязать язык?

Любовь сокрылась в дальнем поле,
Заглохла страсть, пропала пруть.
Где взять мне радости и боли,
Чтоб вновь стихами говорить?

Но неизбежно горький опыт
Опять подсказывает мне:
Зачем он, этот жалкий ропот,
Раскаянье в своей вине?

Срывай с засохших ран повязки
И обнажай живую суть:
Теперь голосовые связки
Тебя не смогут обмануть!

* * *

Уже успела позабыться
Послевоенная беда.
А все цветет и золотится
В стихах и песнях лебеда.

Ну, что вы, братцы, в самом деле?
Зачем вам сорное былье?—
Мы лебеду зеленой съели,
Чтоб вы не видели ее!

* * *

Закатил мой друг поэму,
А в поэме тыща строк.
Зацепил большую тему,
А поднять ее не смог.

С той поры печальный бродит,
Хлещет горькое вино.
То, что сердцем не выходит,
Выйдет боком все равно!

У ЛУКОМОРЬЯ ДУБ ЗЕЛЕНЫЙ

При виде строк и строф крученных
Меня охватывает злость:
О, сколько их, котов ученых,
На этом свете развелось!

Поройся в книгах и журналах,
Библиотекаря спроси:
О, сколько белок и русалок
На поэтической Руси!

Я так люблю весну и осень
За необычную красу:
О, сколько их, берез и сосен,
Поэзия, в твоём лесу!

И лишь шумит могучей кроной,
Корнями уходя в века,
У лукоморья дуб зеленый,
Один-единственный пока.

И все леса благоговеют
Перед его резным листом,
И никогда не заржавеет
Златая цепь на дубе том.

И все мы не похожи вроде
Своей судьбой ни на кого,
И все поныне ходим-бродим
На той цепи вокруг него.

В БЕСЕДКЕ РУДИНА

Хрустели под ногами тени,
И уползал в луга туман.
Спешил сюда Иван Тургенев
И вновь садился за роман.

И снова пылко спорил Рудин
О смысле жизни и борьбы.
И был тот спор горяч и труден
И распирали обоим лбы.

А липы слушали в печали
Довольно странный разговор
И лишь макушками качали —
И так качают до сих пор!

Струится свет ветвисто-ломкий,
И под зеленый шум и скрип
Стоят и слушают потомки
Воспоминанья старых лип.

Теперь спешит сюда полсвета,
И вот уж более ста лет,
Как продолжается беседа
И окончанья спору нет.

* * *

Отлюбило сердце, отлюбило
Все, что было дорого ему.
Все, что было дорого и мило,
Потонуло в голубом дыму.

Просветлело сердце, просветлело —
Снова вижу далеко окрест.
Только дым любви, что отгорела,
До сих пор глаза незримо ест.

РАЗРЫВ-ТРАВА

Какие горькие слова,
Какие бессердечные:
Разрыв-трава, разрыв-трава,
Разрыв на веки вечные.

А мне до боли дорога
Любовь моя угарная.
Пойдем в луга, пойдем в луга,
Сорвем траву коварную.

Дурной траве не место тут
С ее цветами жуткими.
Пускай цветут, пускай цветут
Ромашки с незабудками!

* * *

Ну-ка, память, трогай дрожки
В Слободу Стекольную
Прямоезжею дорожкой,
А не то — окольною.

Мне знакома та и эта,
Той и этой хаживал.
А теперь дороги нету,
Нету и не спрашивай.

Значит, память, прямо к лугу,
Прямо к лугу Бежину.
Навестим былого друга,
Поклонимся прежнему.

Погорюем там немножко,
Что любовь оставила.
Заколodelа дорожка,
Ой да замуравела.

* * *

Опять знакомая дорога
Меня на Снежедь привела.
Затихла давняя тревога,
Душа спокойна и светла.

И лишь по-прежнему над полем,
Не умолкая никогда,
Моей невысказанной болью
Гудят и стонут провода.

* * *

Я давно в любовь не верю,
Все равно назло беде
Обниму холодный берег,
Свешу голову к воде.

Я украдкой поцелую
Речку Снежедь в лозняке,
Словно жилку голубую
У подруги на руке.

* * *

Я тебя не ругаю,
Я тебя не виню.
Садись, дорогая,
Поближе к огню.

Погрей свои руки
И сердце погрей.
Забудем разлуки
И горечь тех дней.

Не надо печали,
Тоски голубой.
Мы дров наломали
Порядком с тобой.

Я тебя не ругаю,
Молю об одном:
Нельзя, дорогая,
Играть с огнем!

КОШКА

Лето сыпало дождями
Да отборными.
Пробежала между нами
Кошка черная.

Осень желтыми лесами
Лето выжила.
Пробежала между нами
Кошка рыжая.

А зима мела снегами
Вечность целую.
Пробежала между нами
Кошка белая.

Май в округе полыхает,
Осыпая нежный цвет.
Что же нам теперь мешает?—
Ведь зеленых кошек нет.

* * *

Я давно тобою спутан
По рукам и по ногам.
Мчатся годы, как минуты,
Только воз поныне там.

Сколько можно жить в разлуке?—
Я прошу тебя, прошу:
Развяжи мне только руки,
Ноги сам я развяжу!

* * *

Затаив дыханье, каждый вечер
Я ступал на шаткое крыльцо.
Выходила сверстница навстречу,
Недовольно морщила лицо.

Выходила, чтоб сказать однажды:
— Не хочу обманывать, поверь:
Сердце открывается не каждому,
Кто стучится в дверь.

* * *

Были встречи,
И разлуки были.
Кто-то помнит,
Кто-то позабыл.
А меня ведь, кажется, любили,
Да и сам я, кажется, любил.

Все перемоллось, улежалось
Грустно и улыбочиво теперь.
А когда-то сердце задыhalось
От обид, от боли, от потерь.

Долго-долго
Раны кровоточили,
Туго-туго
Приходилось мне.
Это все не кажется, а точно
Было наяву, а не во сне.

Были встречи,
И разлуки были.

Ничего никто не позабыл.
И меня действительно любили,
Да и я действительно любил.

* * *

На руке твоей кольцо
Обручальное.
Чем же милое лицо
Опечалено?

Видно, вспомнила о том,
Неприкаянном,
Что остался чудаком,
Да не Каином.

Брезжит свет его лица
В снежной замяти.
Нет конца у кольца
И у памяти.

Потому твое лицо
Опечалено,
Что не радуется кольцо
Обручальное.

* * *

Я снова поднимаюсь с места,
Завидев домик у ракит:
Недалеко от переезда
Рабочий поезд тормозит.

Когда-то был я смел и легок,
Когда-то каждый выходной
Спешил я с поезда в поселок
К чернявой девочке одной.

Теперь напрасно с ней лукавить,
Не пошатнуть семейный трон.
Но вновь выталкивает память
Меня на каменный перрон.

Пройтись бы улочкой вразвалку,
Нежданный нанести визит.
Да вон дежурный вскинул палку
И мне, как мальчику, грозит.

«ТЮРЯ»

Завлекала среди бела дня
Озорная вдовушка меня.

Я смотрел угрюмо и устало,
А она проходу не давала.

Я краснел, смущенно балагуря,
А она вспылила: «Эх ты, тюря!»

Ну, а я продолжил в том же духе:
Мол, пройдет и тюря с голодухи.

* * *

Мне давно друзья толкуют:
Мол, женись скорее, черт!—
Все болезни сразу сдует,
Сразу язва заживет.

Понимаю, принимаю
Добрый дружеский совет.
Долго голову ломаю:
То ли верить, то ли нет?

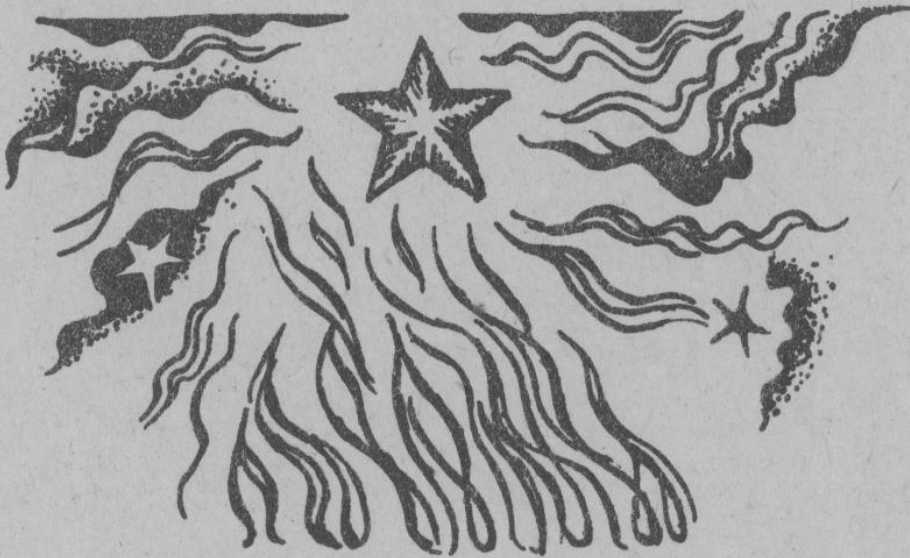
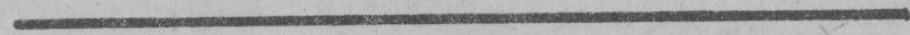
Я хожу смешной, несвязный,
С тяжкой думой в голове.
Проживу с одною язвой,
Не хочу, чтоб было две.

* * *

Я готов оказаться на плахе,
Умереть одиноким готов,
Лишь бы мне не вязаться со свахами,
Не поить закадычных сватов.

Ненавижу заботливых сплетников,
Что все чистое вымажут в грязь.
Никогда не имел посредников,
А держал непосредственно связь!

4

* * *

В дороге долгой и суровой
Я столько истоптал сапог,
Съел не один паек столовый
И не один сухой паек.

Я шел вперед в жару и стылость,
Сжимая автомат в руке,
А песни крохами копились
В моем походном вещмешке.

* * *

Далеко от Мценска до Алтая,
Не придет на проводы родня.
Сибирячка, словно мать родная,
Провожала в армию меня.

Никогда, наверно, не забуду
Славгородский райвоенкомат:
Грустный взгляд и озорную удаль
Бесшабашных и хмельных ребят.

Нас мечты заветные манили
В дальние большие города.
Эшелоны ночью уходили
И везли неведомо куда.

Мы дорогой с жаром рассуждали
О солдатской жизни кочевой:
Все о службе очень много знали
И почти не знали ни-че-го!

БАНЯ

Пылают щеки румянцем,
Задорно глаза горят:
— Я в баню вошел новобранцем,
А вышел как бравый солдат!

Вздыхнул старшина усатый:
— Зеленая молодежь:
Чтоб стать настоящим солдатом,
Горячую баню пройдешь!

ОШИБКА

Я подошел к учебной карте
С ученым видом знатока.
Да подвела меня в азарте
В отместку правая рука.

Готов сквозь землю провалиться,
И стоит взводному сказать,
Я обойду пешком границу,
Чтобы ошибку отыскать.

* * *

У памятника солдату
Проходят колонны бойцов,
И каждый, как старшего брата,
Его узнает в лицо.

А может, из наших кто-то,
Кто впереди шагал,
Вышел из строя роты,
Поднялся на пьедестал.

* * *

Получен приказ на разведку —
И вот по звериной тропе,
Бесшумно цепляясь за ветки,
На свой пробираюсь НП.

Проворно и осторожно
Расставляю теодолит.
Я знаю: за мною тоже
Чужая разведка следит.

Я вижу, как ястреб кружит,
Как волны стучат в берега,
И только пока обнаружить
Никак не могу врага.

Но вот, раздвигая ветки,
С другой стороны реки,
Цепочкой в журнал разведки
Ползут из кустов «враги».

В КАРАУЛКЕ

На стенах портреты и плакаты.
Вид обычный: строговат и прост.
Пишут письма второпах ребята
Перед тем, как заступить на пост.

Так отцы писали их домой
Перед тем, как уходили в бой.

* * *

У нас высокое призванье —
Хранить родные рубежи.

Мы слышим трепет и шуршанье,
И плеск волны, и шелест ржи.

Мы все, что ни коснется слуха,
Переведем на свой язык:
Всегда остро мы держим ухо,
Еще острее держим штык!

ПОВЕРКА

В часы поверки ежегодной,
Придав торжественность лицу,
Побатарейно и повзводно
Идут солдаты по плацу.

Над головою песня вьется,
Горит оружие в руках.
Не смерть — сверкающее солнце
Несем мы миру на штыках!

ПРОЩАНЬЕ

Я уезжал,
Я на вокзал спешил,
И, может быть, на вечную разлуку
Я торопливо жал ребятам руку,
С которыми три года прослужил.

Прощай, казарма,
Мой солдатский дом!—
Я двери не закрою за собою.
Я знаю: мне последний был «подъем»
И не было последнего «отбоя».

* * *

С той поры
Под этой мирной синью
Я дышу, мечтаю и тружусь.
Только в списках боевых поныне
Значусь, пребываю, остаюсь.

Если враг мою страну затронет,
Мой суровый выстрел прогремит:
Я — один из запасных патронов,
Что в под сумке Родина хранит!

КОМАНДА

Встает рассвет на мокрых лапах.
— Пора, сынок, — вздыхает мать.
Я повернулся с боку на бок,
Глаза зажмурились опять.

Передо мной возникли разом
Ряды палаток за Днепром.
Вдруг громовым старшинским басом
Отец скомандовал:
— Подъем!

Как ветром сдуло одеяло,
И я мгновенно на ногах:
Готовый в путь —
Большой и малый —
В своих кирзовых сапогах.

ПОДУШКА

Я с ней делюсь любым секретом,
Бедой и радостью любой.

А то, бывает, до рассвета
Лежу с тяжелой головой.

И, вспоминая годы бедствий
И маету военных дней,
Я о подушку трюсь, как в детстве
О щеку матери моей.

* * *

Все это было, было, было
На той войне, на той войне:
Земля стонала и чадила
И камни корчились в огне.

Хранит живая память свято
Все то, что смято на корню,
Все то, что смято и распято,
Все то, что предано огню.

Хранит печальная держава
В тени берез и тополей
Неувядаемую славу
Своих сынов и дочерей.

Салюты дальние и близкие
Над маем праздничным гремят,
И вздрагивают обелиски,
Что над могилами солдат.

* * *

Где тот дремучий травостой
Лихой поры военной?—
Такой высокий и густой:
Взмахнешь — вязанка сена.

Была та буйная трава
Загадочной немножко:
Темнели тайной острова
Мышиного горошка.

Я замирал за два шага,
Робея и немея
Перед метелкой овсюга
И пикою пырея.

Кивал головкой там и тут
Пахучий белый клевер.
Над ним стоял пчелиный гуд,
Тревожен и напевен.

Трава отчаянно цвела,
По-бабьи жировала.
Земля хозяина ждала,
Ждала и горевала.

Земле хотелось щедрой быть,
Земля звала хозяина.
Вот здесь учился я косить,
И жить и думать заново.

ПУЧОК КАЛИНЫ

Металась бабушка во сне,
Шепча бессвязно:
— Калинки мне, калинки мне,
Калинки красной...

Лежала старая, бледна,
В лихой простуде.
А в том саду была война,
Чужие люди.

Снялась из сада солдатня,
Ушли машины.
А возле камня, возле пня
Притихли мины.

Не трогай яблоню за ствол,
Не трогай ветку.
Уж подорвался рыжий вол
И следом — Гнедка.

А дома в душной тишине
Беда нависла:
— Калинки мне, калинки мне,
Калинки кислой...

И я бегу в запретный сад
Заглохшей тропкой.
И я ступаю в этот ад
Ногою робкой.

Повисла жизнь на волоске
Немецкой мины.
Но трепетал в моей руке
Пучок калины!

* * *

Слышен треск на всю округу,
Шум на всю околицу.
Льдины бьются друг о друга,
Друг о дружку колются.

Трутся льдины, трутся льдины
В голубое крошево.
Мост в испуге выгнул спину,
Словно кот взъерошенный.

Затаив в душе тревогу,
Матросня отважная
Снаряжает в путь-дорогу
Лодочки бумажные.

Уплывало наше горе,
Наше детство сирое
Прямо в море, прямо в море,
Прямо в море синее.

* * *

Далеко ушла война,
Укатили пушки.
Баб попутал сатана
На лихой пирушке.

Ни дороги, ни следа.
Зимне и безлунно.
Рвет ветряка провода,
Словно ухарь струны.

Подгулявшие в гостях
Прыснут молодайки:
— Во наяривает, враг,
Как на балалайке!

В хате пляска, в хате гром,
Встречно-поперечно:
Ходит пол ходуном,
Вздрагивает печка.

— Не жалей каблуки,
Новые закажем.
Вот вернутся мужики,
Мы не так спляшем!

* * *

Пурга захлестнула округу,
Во мгле утонул горизонт.
Когда-то в такую же выюгу
Бойцы уходили на фронт.

Забуду ли грохот орудий,
Дома и деревья в огне,
И бродят бездомные люди
По этой кромешной войне.

Мороз сорок первого года
Никто не забудет вовек:
Безмерные слезы народа
На землю срывались, как снег.

Доныне пушистыми льдинками
Кружатся над ширью полей
Снежинки, снежинки, снежинки —
Застывшие слезы людей.

«МЦЕНСК»

Волны плещутся бессонно,
Убегая на восток.
От Одессы до Хайфона
Путь далек, далек, далек.

В нужный срок доставив грузы,
Соблюдая тихий ход,
В порт заходит синеблузый,
Краснозвездный теплоход.

Убегает в джунгли полночь
От счастливых криков: «Русь!»

И спешит друзьям на помощь
Работяга «Беларусь».

И в порту услышит скоро
Голубеющий рассвет
То ли выхлопы мотора,
То ли выстрелы ракет.

ПАХАРИ

Шел поезд берегом Аракса
В глухие поздние часы,
А ночь была черна, как вакса,
У пограничной полосы.

Лишь ночь от поезда отстала
И тени в горы уползли,
Перед глазами замелькала
Полоска вспаханной земли.

Везде граница на задвижке
Для глаз чужих, для ног чужих.
Молчат сторожевые вышки,
Дежурят пахари на них.

Они хранят надежно Родину
И от отцовских мест вдали
Усердно пахут и скородят
Полоску узкую земли.